

Flasi_XP

Коты-Воители

Бушующая Луна

Flasi XP

Коты Воители Бушующая Луна

«Автор»

2026

ХР F.

Коты Воители Бушующая Луна / F. ХР — «Автор», 2026

Мир, где холод пожирает всё живое, а горы стали вечной темницей. Племя Стального хребта стоит на грани вымирания — запасы иссякают, а надежда тает вместе со снегом. Черный кот по имени Тень понимает: чтобы спасти свой народ, нужно совершить невозможное и отправиться в земли, о которых слагают лишь страшные легенды. Но готов ли он пойти против мнения старейшин и самой судьбы ради призрачного шанса на выживание?

© ХР F., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДПРОСМОТР	5
ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Flasi ХР

Коты Воители Бушующая Луна

ПРЕДПРОСМОТР

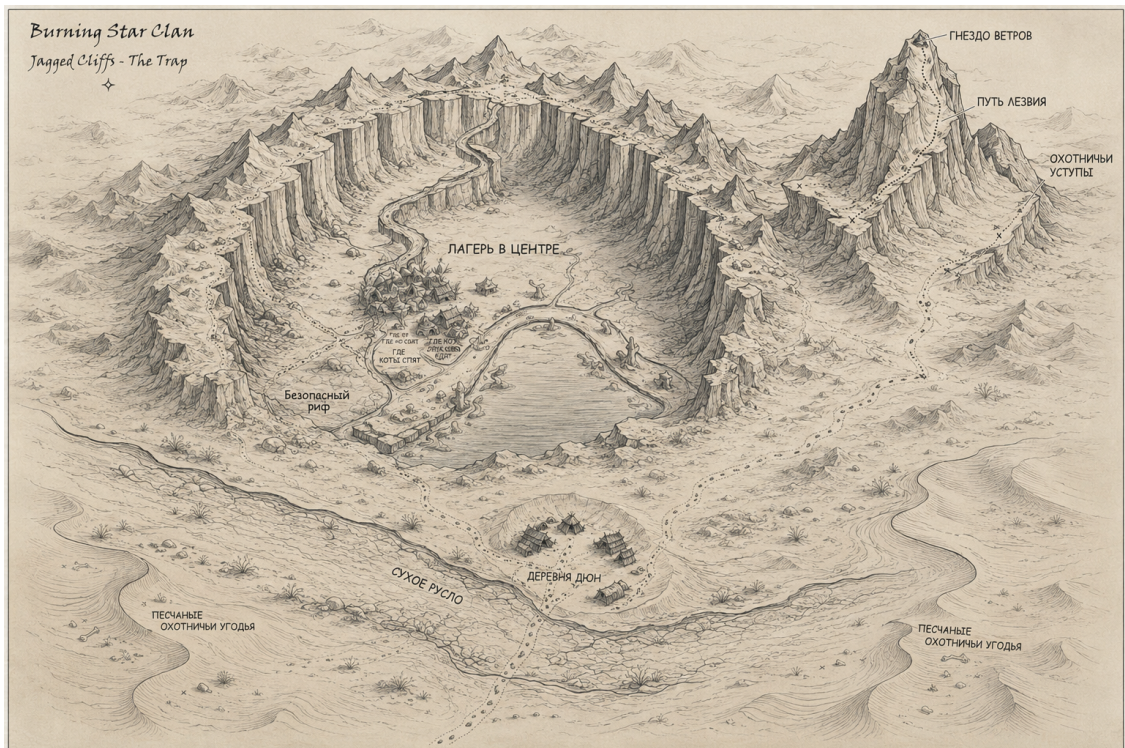
Для лучшего опыта чтения: рекомендуется использовать Вертикальное чтение

Племя Пылающей Звезды — (Чаша) Занимают глубокую впадину; добывают пропитание из ящериц, Рыб и скудной флоры, выживая в раскаленных камнях.

Племя Стального Хребта — (Гнездо Ветров) Обитают на горных вершинах; охотятся на отвесных скалах в условиях разреженного воздуха на Птиц.

Племя Иссушенных Песков — (Деревня Дюн) Кочуют среди дюн; их жизнь построена вокруг скрытого оазиса

Топографическая Карта Племя

ПРОЛОГ

Солнце в зените превратило Чашу в раскаленную печь. Воздух дрожал, искажая очертания скал. Прыткохвост лежал в узкой тени валуна, чувствуя, как горячая пыль забивает нос. Рядом, в глубоком бреду, Водохлёб беззвучно скреб когтями иссохшую землю, надеясь выкопать хоть каплю влаги.

Глашатай поднял голову. Далеко внизу, у самого дна бывшего русла, Ярковзвезд недвижно замер, глядя на пустую трещину в камне, где когда-то плескалась вода. В племени стояла тишина — тяжелая, густая, нарушаемая лишь прерывистым дыханием Скриполапа.

Прыткохвост почувствовал, как в груди закипает глухая злость: сегодня ночью он уйдёт к гребням гор. Даже если придется переступить через запреты или кости своих соплеменников. Ждать здесь — означало просто стать частью этой пыли.

ГЛАВА 1

Маленькая кошечка выглядела как оживший комок дорожной пыли. Её шерсть, когда-то, возможно, имевшая светлый оттенок, теперь была неопределенного грязно-бежевого цвета, забитая песком и сухой глиной.

Она была настолько худа, что казалась почти прозрачной сквозь редкие пушинки на боках просвечивала серая, натянутая кожа. Лишь кончики её ушей и крошечный хвостик были чуть темнее, напоминая пятна тени на раскаленном камне. Она была самой мелкой в племени, словно сама земля Чаши высасывала из неё силы быстрее, чем из остальных.

Пылинка притаилась за обломком скалы, выставив вперед дрожащие лапы. В паре дюймов от неё, изнывая от зноя, замерла ящерица тощая, серая, сливающаяся с камнем цветом, с почти прозрачной от истощения кожей. Для котенка она была не едой, а единственной живой игрушкой в этом безмолвном аду.

Она тихо дернула хвостом, готовясь к прыжку. Её ребра болезненно впивались в острый щебень, а в животе неприятно урчало, но сейчас это было неважно. Важно было только поймать этот ускользающий хвостик. Кошечка радостно пискнула, когда ящерица дернулась, и уже собралась прыгнуть, как вдруг тяжелая, шершавая лапа придавила её к горячей земле.

— Ты что творишь, глупая?! — проскрипел над ухом сухой, надтреснутый голос. Пылинка вздрогнула, втянув голову в плечи. Перед ней возвышалась фигура — серая, как и всё здесь, с клочковатой шерстью и мутными глазами, в которых плескалась вековая усталость.

Старый кот всегда пах пылью и горькими, выжженными солнцем травами. — Это не игрушка, — старейшина рывком поставил кошечку на лапы. Его когти, затупленные годами, лишь слегка царапнули её кожу. — Это жизнь, которую мы не можем позволить себе просто так раздавить. У нас нет роскоши играть с тем, что дает нам шанс дожить до завтрашнего рассвета.

Пылинка виновато опустила уши. Её маленькие лапки дрожали. Она не понимала — почему это шанс, если ящерица всё равно была слишком быстрой, а её живот был пуст уже второй день? Она лишь хотела хоть раз почувствовать себя ловкой, как воители, а не просто кучкой пыли, которую сдувает ветер.

Понуриив голову, она, пошатываясь, поплелась к матери. Та лежала в тени выщербленного валуна, не открывая глаз; её бока едва заметно, словно через силу, вздымались. Высоко на уступе, там, где небо сливалось с раскаленными пиками гор, застыла темная фигура. Тот кот цвета засохшей глины, с темно-рыжими полосами, выжженными солнцем, и со множеством шрамов на плечах, напоминающих переплетение корней в сухой земле смотрел вдаль. Он не замечал суеты внизу, не видел ни горького взгляда старейшины, ни понурой Пылнки. Он был единственным, кто никогда не опускал глаз в песок. Его взгляд был устремлен прямо в сердце гор, туда, где, по легендам, спала сама Тень.

Пылинка прищурилась, глядя на уступ. Приткохвост был там неподвижный, словно изваяние из сухой глины. Она уже привыкла к этому силуэту на фоне выжженного неба. Вдруг из глубины лагеря донесся резкий, раздраженный шум. Скриполап о чем-то яростно спорил с другой старейшиной, их сухие голоса срывались на хрип. Пылинка, поддавшись детскому любопытству, невольно дернула ухом и на секунду отвела взгляд от уступа, чтобы посмотреть, из-за чего поднялся переполох. Это заняло лишь пару мгновений. Внизу, в лагере, ничего особенного не происходило — просто очередная ссора из-за клочка тени. Пылинка снова перевела взгляд на уступ, ожидая увидеть всё ту же неподвижную спину в рыжих полосах. Но уступ был пуст. Она заморгала, чувствуя, как внутри что-то неприятно сжалось. Она потеряла глаза лапкой, надеясь, что он просто спрятался в тень, но скала была абсолютно голой. Странно. Он не мог спуститься вниз — она бы услышала шуршание камней. Он не мог пройти мимо неё — это был единственный путь. Единственное, что осталось на месте, где только что стоял Прит-

кохвост — это облачко мелкой, танцующей в закатном свете пыли. Оно медленно оседало на камни, кружась в безветренном воздухе, пока не растворилось окончательно.

Пылинка сделала неуверенный шаг вперед, вглядываясь в пустоту. Никого. Он просто исчез. Как будто его стерли из этого мира, оставив лишь этот тонкий след пыли, которая подозрительно быстро осела, скрывая все следы.

Пылинка уткнулась носом в живот матери. От неё пахло пылью и той же бесконечной, изматывающей усталостью, что и от всего племени. — Мам... — прошептала Пылинка, сжимаясь в маленький комочек. — А небо... оно всегда было таким? Застывшим? И луна... она когда-нибудь пойдет дальше? Мать медленно приоткрыла глаза.

Её шерсть была неопределенного пепельно-серого цвета, с легким налетом серебра на кончиках ушей и хвосте, словно она сама начинала понемногу превращаться в местную породу камней. Только на груди, под густой шерстью, пряталось светлое пятно — единственное, что напоминало о том, какой она могла быть в другой, нормальной жизни.

Она посмотрела на Пылинку — взгляд был туманным, рассеянным. — Оно не застыло, Пылинка, — тихо сказала она, и в её голосе, несмотря на всю горечь, промелькнула искра чего-то похожего на веру. — Просто время... оно здесь такое. Густое. Оно медленно течет, как смола. Она слабо лизнула котенка в макушку. Шершавый язык был сухим, почти как наждачная бумага.

— Луна просто отдыхает, — добавила она, и Пылинка почувствовала, как мать сама пытается убедить в этом прежде всего себя. — Придет время, небо снова оживет. Нужно просто ждать. Больше мы ничего не можем делать. Просто ждать рассвета, который когда-нибудь пробьется сквозь этот свет.

Пылинка замолчала. Она видела, что мама говорит это не потому, что знает, а потому, что если она перестанет в это верить, то просто закроет глаза и больше их не откроет. Пылинка поежилась. Мать, Пепельнолапая, уже закрыла глаза, погрузившись в тяжелый, беспокойный сон. Её серебристые кончики ушей подергивались — даже во сне она не могла расслабиться. Пылинка тихонько выбралась из-под её бока. Ей стало невыносимо душно в этой детской, состоящей из пыли и страха. Она знала правила: котят нельзя отходить далеко, пока небо не сменится. Но небо не менялось уже целую вечность, и ожидание превратилось в пытку. Она сделала пару шагов, пригибаясь к земле. В лагере царил полумрак, нарушаемый лишь бледным, мертвенным свечением луны. Слышалось тяжелое дыхание спящих воителей. Кто-то из старейшин во сне бормотал про большие облака, которых никто из них уже не помнил белыми. Пылинка прокралась мимо спящей кучи.

Её целью был тот самый уступ. Она не хотела подходить близко — страх перед словами матери всё еще сидел в животе холодным комком, — но ей нужно было увидеть своими глазами: точно ли там пусто? Вдруг из тени выскользнула чья-то фигура. Это был патрульный, тощий кот, чьи ребра выпирали под свалявшейся шерстью. Он даже не посмотрел на Пылинку. — Не ходи туда, мелочь, — хрипло бросил он, не оборачиваясь. — Там сейчас... пустота полнее обычного. Пылинка замерла, прижав уши. — Я просто хотела... — начала она, но кот перебил её: — Хотела проверить, куда делся Прытохвост? Не трать время. Пылинка замерла, когда неожиданно патрульные прошли мимо. В центре, на главной площадке, стоял Предводитель — крупный, исхудавший кот с рваным ухом. Он смотрел на пустой уступ так, будто пытался прожечь в нем дыру. Рядом с ним, в тени, перешептывались воины. Их голоса были не ворчливыми, как обычно, а испуганными.

— Он убежал, — шептала кошка из патруля, — просто встал и ушел. Ни слова о границах, ни слова о добыче... как будто он больше не Глашатай. Как будто он вообще не из нашего племени. Предводитель ничего не отвечал. Он выглядел так, словно с него только что содрали шкуру. Племя осталось без правой лапы. Без того, кто должен был сменить его, если наступит конец.

Пылинка юркнула за сухой куст, вжимаясь в пыль. Она вдруг поняла, почему патрульный был таким злым. Прыткохвост не просто ушел — он бросил всех. Бросил Предводителя, бросил их голодающее племя, бросил все законы, которые они чтили. Теперь Пылинка понимала: тот пустой уступ — это не просто место, где кто-то сидел. Это пустой трон. Она увидела, как Предводитель медленно поднял голову к застывшей луне. В его глазах читалось не только горе, но и бессилие. — Пусть идет, — вдруг громко, на весь лагерь, прорычал он. — Пусть катится в бездну. Мы найдем нового. Завтра же — Но все знали, что завтра здесь не наступает. В лагере стоял густой, почти осязаемый запах старого камня и пыли.

Старейшины, сбившись в кучу у входа в расщелину, переругивались, и их голоса эхом отскакивали от стен Чаши. — В мое время глашатаи не бегали по ночам, — прохрипел Скриполап, ковыряя когтем сухую землю. — Они знали, что уход — это предательство. — Прыткохвост был не из тех, кто предает, — отозвался Водохлёб, чьи глаза были мутными и смотрели куда-то сквозь пространство.

— Он просто... растворился. Как капля воды на раскаленном камне. Сушняк лишь раздраженно дернул ухом: — Хватит бредить. Завтра Ярковзвезд назначит нового, и снова начнется эта бессмыслица с проверкой границ. Будто от того, что мы метим камни, они станут вкуснее. Пылинка стояла в паре шагов от них, прижав уши. Ей было неудобно. Эти разговоры казались ей неправильными — они звучали как приговор, который старейшины уже вынесли всему племени. Она осторожно подошла к Пепельнолапе.

Мать лежала свернувшись калачиком, глубоко дыша, и казалась такой маленькой на фоне громадных скал, что Пылинке на секунду стало страшно: а вдруг она сейчас тоже растворится, как Прыткохвост? Пылинка забралась под её бок, чувствуя грубую, сваливающую шерсть. Она прижалась максимально плотно, пытаясь уловить хоть какой-то ритм жизни — стук сердца, едва заметное движение ребер.

Она пришла сюда не просто чтобы согреться. Она пришла проверить, здесь ли еще мама. В этой тишине и бесконечном полумраке котяткам было жизненно важно чувствовать, что взрослые никуда не делись, что их якорь в этом странном мире всё еще на месте.

Пепельнолапа на мгновение приоткрыла один глаз и, не просыпаясь до конца, притянула котенка ближе, спрятав её мордочку в своей шерсти. — Ты... боишься? — едва слышно прошептала мать, её голос был похож на шелест песка.

Пылинка не ответила. Она лишь сильнее вжалась в нее, чувствуя, как где-то совсем рядом, за пределами их детской, племя медленно разваливается на части. Ящеролов долго смотрел на то, как суетятся старейшины, и чувствовал, как внутри закипает ярость. Голод скручивал желудок в тугой узел, а вид Пепельнолапы и маленькой Пылочки, которые выглядели как тени самих себя, окончательно переполнил чашу терпения. Он резко поднялся и зашагал к пещере Предводителя.

— Ярковзвезд! — голос Ящеролова прозвучал громче, чем положено в лагере. Предводитель, который только что устроился на камне, дернул ухом и открыл глаза. Он выглядел изможденным, но в глазах всё еще теплилась та самая искривленная воля, которая держала племя вместе. — Чего тебе, Ящеролов? — Я не могу больше смотреть, как мы превращаемся в пыль, — отрезал воитель, не заботясь о субординации. — Еды нет. Вода на исходе. Если мы не сделаем хоть что-то, завтра хоронить будет некому. Старейшины бредят, оруженосцы не растут.

Ярковзвезд молчал. Ящеролов сделал шаг вперед, понизив голос до рычания: — Нам нужно идти к Стальному Хребту. У них есть источники воды, они знают пути к скрытым родникам. Мы должны попросить о помощи. Предводитель выпрямился, и в его желтых глазах промелькнуло нечто опасное.

— Просить? Ты предлагаешь приползти к ним и показать, что мы настолько слабы, что готовы лизать их лапы ради глотка воды? Ты же знаешь, как они к нам относятся. Для них наш крах — лучший подарок.

— Я знаю! — перебил его Ящеролов. — Но выбора нет! Мы либо сдохнем здесь от жажды, либо рискнем, что они нас прирежут. Это хотя бы шанс.

В пещере повисла тяжелая тишина.

Пылинка, которая успела прокрасться ближе, чтобы послушать взрослые дела, замерла за выступом. Она видела, как Ярковзвезд впился когтями в камень. — Ты понимаешь, чем это грозит, Ящеролов? — тихо спросил Предводитель. — Если мы признаем слабость, они могут не дать воды. Они могут забрать то, что у нас осталось — нашу территорию. — У нас уже ничего не осталось, кроме наших шкур! — отрезал Ящеролов. Ящеролов стоял у самого края пещерки Ярковзвезда — по сути, просто глубокого разлома в скале, где было чуть темнее, чем снаружи.

Предводитель сидел внутри, почти сливаясь со своими тенями, в то время как племя снаружи выглядело лишь серой массой на фоне холодного камня. — Ты предлагаешь выставить наше брюхо под их когти? — голос Ярковзвезда глухо отражался от стен разлома. — коты Стального Хребта не умеют делиться. Они только отнимают. — А здесь мы отдаем свои жизни просто так! — Ящеролов не отступал, несмотря на то, что за его спиной, снаружи, слышались шорохи.

Старейшины прислушивались.

Пылинка, сжавшись в комок у края этой самой пещерки, слышала всё отчетливо. Ей было неуютно: холодный камень под животом, страх перед тем, что их могут забрать, и странное чувство, что мир вокруг — это не дом, а ловушка. Ярковзвезд медленно поднялся. Он был крупнее Ящеролова, и даже в полумраке его глаза казались двумя угольками. — Хорошо, — бросил он, и в этом хорошо было столько горечи, что Пылинке захотелось убежать. — Если ты так уверен, иди. Но помни: если они увидят в нас добычу, а не просителей, путь назад будет закрыт для всех. Ты готов отвечать за каждую каплю крови, которую они прольют, если мы пойдем к ним? Ящеролов замер. Тишина, которая последовала за этим вопросом, была страшнее любого рыка. Даже ворчание Скриполапа снаружи затихло. Пылинка поняла: это не просто разговор о воде. Это разговор о жизни и смерти всего племени. Ящеролов хотел было развернуться, чтобы уйти, но резкий голос остановил его. Это был Камнегрыз, крупный воитель, который до этого молча грыз кусок сухой коры. Он поднялся, отряхивая лапы от пыли.

— Один пойдешь? — голос Камнегрыза был сухим и хриплым, как перетертый гранит. — Чтобы они тебя прикончили на границе и даже не узнали, зачем ты пришел? Или ты решил, что воду можно принести в горсти? Ящеролов замер. — Я думал договориться.

— Договориться, — горько усмехнулся Камнегрыз, выходя из тени на свет луны. — Ярковзвезд, если мы идем, то идем всем племенем. Пусть они видят, что мы пришли не как воров, а как те, кому нечего терять. Или мы покажем им наше племя — выживших, изголодавшихся, — и пусть попробуют ударить тех, кто уже одной лапой в могиле. Скриполап, сидевший неподалеку, громко хмыкнул:

— А если они захотят помочь нам быстрее оказаться в могиле? Стальной Хребет не славится милосердием. Пылинка, сидящая в тени, наблюдала за спором. Она вдруг представила: если они все пойдут к Стальному Хребту, то мама тоже пойдет? Она слабая, она почти не ест... А если их там встретят не водой, а когтями?

— А как они нам дадут воду? — громко, на весь лагерь, вдруг спросил кто-то из младших воителей. — Мы что, будем пить из их родников, как прихлебатели? У нас есть право на землю, мы не можем просто так просить милостыню!

Вопрос повис в воздухе. Это был главный страх: превратиться из гордого Племени Пыляющей Звезды в племя попрошайек.

Яркозвёзд смотрел на своих котов. В его взгляде читалась борьба: гордость предводителя против инстинкта выживания. — Мы не будем просить милостыню, — наконец прорычал он. — Мы пойдем туда как племя. Мы потребуем часть территории с источником. Если они откажут — значит, небо решило, что наш путь окончен. Пылинка поняла: это уже не предложение, это приказ. Они все идут к Стальному Хребту. Скриполап, услышав слова Яркозвёзда, издал звук, похожий на скрежет сухого дерева о камень. Он медленно поднялся, опираясь на одну переднюю лапу, и его мутный взгляд впился в Предводителя. — Часть территории? — старик выплюнул это слово, как яд. — Ты просишь у них часть, когда у них самих едва хватает на прокорм своих? Ты хоть помнишь, почему их называют Стальной Хребет? Скриполап сделал шаг вперед, и его костлявое тело задрожало.

— Они не делятся водой. Они... выжимают её. Они приносят в жертву тех, кто слаб, чтобы их источники не пересыхали. Думаешь, они увидят нас и поделятся? Они увидят в нас запас, — голос старейшины сорвался на хрип. — Мы для них не соседи, мы для них — лишние рты. Если мы придем туда всем племенем, мы просто принесем им подарок из свежего мяса.

— Мы не будем жертвовать собой, — сказал Предводитель, но его голос был лишен прежней уверенности. — Мы пойдем туда и потребуем то, что принадлежит жизни.

Пылинка поняла: это безумие. Идти к врагам, которые выжимают воду — это был не план спасения, а поход в пасть к чудовищу.

Предводитель зовет Горькошерста Яркозвёзд спустился со своей каменной плиты и подошел к Горькошерсту, который возился у стены Чаши, выковыривая из трещин нечто черное, похожее на застывшую смолу или сухую корку.

— Горькошерст, — прорычал Яркозвёзд. — Племя слабеет. Воины не могут охотиться на тени. Дай мне честный ответ: если мы двинемся к Стальному Хребту, у нас есть хоть что-то, что можно заглотить, чтобы не упасть через десять скачков? Горькошерст обернулся. Его шерсть была в белой пыли, а когти — стерты до основания.

Он протянул Предводителю кусочек той самой корки, которую выковырял из камня. — Травы нет, Яркозвёзд. Никогда не было, сколько я себя помню. Всё, что мы едим — это то, что выросло на камнях, питаюсь светом Луны. Это не еда. Это минеральный налет. Желудки котов не приспособлены для этого, мы от этого быстрее стареем и теряем нюх. Но оно... — он замялся, — оно дает странную тяжесть. Кровь густеет. Мы становимся медленнее, зато дольше не чувствуем, как внутренности съедают сами себя. Ящеролов, стоявший рядом, всмотрелся в эту черную субстанцию. — То есть мы просто жрем камень, чтобы обмануть смерть? — Мы жрем время, — отозвался Горькошерст. — Но запасы на дне Чаши почти кончились. Дальше — только голая порода. Пылинка, наблюдавшая за этим, ахнула. Теперь она поняла, почему мама была такой странно тяжелой и неповоротливой в последнее время. Это была не просто усталость. Она была буквально набита этой каменной трухой. Ящеролов смотрел на своих товарищей — воителей, которые когда-то могли в прыжке настичь любую дичь, а теперь с трудом передвигали лапы.

— Многие не дойдут, — тихо сказал Ящеролов, и это прозвучало не как вопрос, а как приговор. — Мы все это понимаем, Яркозвёзд. Но какая разница? Умереть здесь, сжимая в зубах крошку камня, или умереть на пути к источнику? Камнегрыз, самый крупный из них, глухо кашлянул. Из его пасти вылетело облачко серой пыли. — Я дойду, — сказал он, хотя его передняя лапа заметно дрожала. — Но я не уверен, что дойдет Скриполап. Или... — он покосился на Пепельнолапу и маленькую Пылнку, — котёнок с матерью. В лагере повисла мертвая тишина. Это был самый неудобный вопрос: что делать с теми, кто не в силах идти? Пепельнолапа вздрогнула и плотнее прижала к себе Пылнку. В её глазах, обычно тусклых, на секунду вспыхнул отчаянный, почти звериный блеск. Она поняла, куда клонит Камнегрыз. В племенах всегда был закон: Племя превыше всего. И если племя должно выжить, то слабые... должны остаться.

— Если кто-то из нас не может идти, — прошипела Пепельнолапа, глядя прямо в глаза Предводителю, — мы бросим их здесь? Это наш путь? Стать как коты Стального Хребта? Ярковзвезд отвел взгляд. Он не мог ответить нет. Потому что да означало бы выживание части племени, а нет — смерть всех. Пылинка чувствовала, как сильно бьется сердце матери. Она поняла, что если они уйдут, то, возможно, придется выбирать: идти дальше или остаться с теми, кто не может сделать следующий шаг. Ярковзвезд долго молчал, всматриваясь в темноту, где угадывались лишь контуры камней. В его глазах отражалась только холодная, равнодушная луна. Наконец, он выдохнул облачко серой пыли и глухо произнес: — Мы не станем оставлять своих. Но если мы хотим дойти — мы будем идти до тех пор, пока кости не начнут трескаться Луна, казавшаяся единственным хозяином этого мира, заливала своим светом всё пространство.

Луна медленно плыла по небосводу, наблюдая, как из расщелины Чаши, одна за другой, выходят призрачные фигуры.

Племя Пылающей Звезды двигалось не стройными рядами воинов, а как колонна теней. Каждый шаг давался с трудом — лапы, привыкшие к рыхлому снегу, болезненно ступали по твердой, выжженной земле. Но пейзаж начал меняться. Там, где скалы уходили вверх, образуя предгорья, сквозь серую дымку пробивались острые, как иглы, вершины. Ели. Они стояли, сгорбленные, местами обломанные, но всё еще хранящие в себе остатки зелени. В этом мире, где всё превратилось в камень, они казались чудом — единственным, что еще дышало.

Пылинка шла в середине, стараясь не отставать от Пепельнолапы. Её маленькие лапки, которые привыкли к мягкой пыли дна Чаши, теперь горели от бесконечной ходьбы по острому гравию и жесткой сухой земле. Котенок сделал несколько шагов, споткнулся о сухой корень и тихо вскрикнул. Она остановилась, поджимая переднюю лапу, и посмотрела на свои подушечки — они были стерты до розовой кожи, кое-где виднелись капли темной, почти черной крови. — Мам... — Пылинка подняла взгляд на Пепельнолапу, голос дрожал от усталости и боли. — Лапки... они больше не могут. Они горят, как будто я иду по огню. Пепельнолапа остановилась, оглядываясь назад. Племя растянулось на добрый десяток хвостов. Вдохлёб шел, шатаясь, в самом конце, а Ярковзвезд — далеко впереди, даже не оглядываясь. — Тише, Пылинка, — прошептала мать, прижимаясь мордой к затылку котенка. — Если ты остановишься — ты не дойдешь. Смотри туда. Пепельнолапа указала хвостом на те самые далекие, темные силуэты елей, что маячили у подножия гор. — Видишь? Там есть жизнь. Если мы дойдем до них, там будет мягче. Потерпи еще немного, хорошо? Пылинка посмотрела на темные деревья. Они выглядели как гигантские когти, вцепившиеся в небо. Ей стало страшно, но она поняла: если она сейчас сядет, она просто станет частью этой серой дороги. Скриполап, плетущийся где-то позади, не прекращал своего ворчания. Даже его старые кости, казалось, скрипели в такт его словам.

— Вот Раньше такого не было — прошамкал он, тяжело опираясь на больную лапу. — Мы не бродили по пустошам, как бездомные бродяги, Мы знали границы, мы знали наш камень. А теперь? Идем в никуда, подставляя животы под когти чужаков... Тьфу! Ящеролов, идущий чуть впереди, обернулся. Его глаза были прищурены, а уши плотно прижаты к голове. Он посмотрел на свои лапы — они казались чужими, покрытыми пылью и мелкими трещинами. — Скриполап прав, — глухо бросил он, обращаясь больше к самому себе, чем к остальным. — Лапы немеют. Я не чувствую земли под когтями. Мы дойдем? Или мы просто умрем по дороге, выстроившись в аккуратную линию? Никто не ответил. Только тяжелое, хриплое дыхание десятков котов наполняло воздух. Пылинка шла, опустив голову. В какой-то момент, когда она переступила через очередной гребень, ей показалось, что почва под ногами изменилась.

Она присмотрелась: под лапами был серый песок. Но стоило ей копнуть его когтем, как она поняла — это не песок. Это просто голая, мертвая земля, твердая как скала, где не могло вырасти даже самого жалкого пучка лишайника. И тут она увидела это.. Впереди точнее.. Чуть

дальше справа, сквозь густую, почти осязаемую дымку, начали проступать силуэты. Это были не скалы и не деревья. Это были прямые, неестественно ровные линии, углы, возвышающиеся над землей. Какие-то странные, серые строения, которые не могли быть созданы природой. От них веяло холодом и какой-то пугающей пустотой. Сердце Пылинка пропустило удар. Ей стало не по себе от того, как правильно они выглядели на фоне хаотичных гор. Она прижалась к боку Пепельнолапы, чувствуя, как та тоже замедлила шаг, увидев эти серые руины. — Мам... — прошептала Пылинка, тыкая носом в плечо матери. — Смотри. Это... это логово Стального Хребта? Кто там живет? Почему оно выглядит таким... холодным?

Пылинка не отрывала взгляда от серых угловатых конструкций, торчащих из земли, как сломанные зубы. В их четких линиях было что-то неестественное, пугающее. Пепельнолапа резко дернула головой, как будто ей было больно даже смотреть в ту сторону. Она прикрыла Пылинка своим хвостом, придвигая её ближе к себе, подальше от открытого участка пути, который простреливался взглядом со стороны руин.

— Тсс, — шикнула мать, и в её глазах мелькнул первобытный страх. — Не называй их так громко. Да, это их границы. Их земли — это песок, который пьет влагу из всего живого. — А они... они тоже хотят воду? — Пылинка едва дышала. — Они не хотят воды, Пылинка. Им нужна только тишина и пустота, — Пепельнолапа запнулась. — Я не знаю точно, где именно сейчас их главное логово и как выживают. Кто-то говорит, что они ушли глубже в пески, кто-то — что они затаились в этих строениях, ожидая, пока кто-то оступится. Мы идем мимо. Наша цель — Стальной Хребет, а это... это совсем другая сторона. Впереди, на самом переднем краю, Ящеролов подал знак остановиться.

Коты сгрудились в кучу, нервно озираясь по сторонам. Запах воздуха здесь изменился — он стал сухим до жжения в носу, а от строений веяло пыльным оцепенением. — Мы слишком близко к Пескам, — прошептал Ящеролов, глядя на Ярковзвезда. — Если они нас учуют, нам не дойти до Хребта. Ярковзвезд оглядел свое изможденное племя. Пылинка видела, как он сжал челюсти. — Мы не свернем с пути, — ответил Предводитель. — Но мы идем молча. Никто не издает ни звука. Если кто-то из Иссущенных следит за нами, он не должен знать, что мы — племя. Мы должны выглядеть как... просто пыль, движимая ветром.

ГЛАВА 2

Путь тянулся мучительно долго. Воздух стал суше, и у многих котов потрескались носы, из них сочилась темная, густая сукровица. Водохлёб, который до этого молчал, перебирая лапами по твердой земле, внезапно остановился. Он задрал голову, приюхиваясь к безжизненному ветру, и его зрачки сузились до булавочных иголок. — Мы идем прямо к ним... прямо в их холодные объятия, — просипел он, и его голос был полон такой уверенности, что идущие рядом воины невольно замедлили шаг. — Вы чувствуете этот запах? Это не просто горы. Это запах застывшего времени. Горные коты живут в вечности, им не нужны такие, как мы — вечно голодные, вечно пыльные, вечно просящие. Мы для них как пятна на чистом льду.

Камнегрыз, который нес на себе часть тяжести пути, рыкнул, не оборачиваясь: — Заткнись, Водохлёб. От твоих слов пить хочется еще сильнее.

— Это плохая идея, — продолжал старейшина, игнорируя воителя, словно тот был лишь тенью. — Идти туда — значит признать, что Племя Пылающей Звезды больше не может само себя защитить. Если мы придем к Стальному Хребту в таком состоянии, они не дадут нам напиться. Они выберут самых крепких из нас, чтобы сделать из них своих сторожевых псов, а остальных... остальных просто оставят снаружи, чтобы лед принял их первыми. Пылинка поежилась.

Она посмотрела на старейшину — он выглядел еще более жалким, чем обычно. Его шерсть клочьями торчала в разные стороны, а глаза, казалось, смотрели не на дорогу, а куда-то сквозь неё, в ту самую ледяную пустоту, о которой он говорил. — Мама, — шепотом спросила пылинка, — он прав? Они заберут только сильных? А что будет с нами? Пепельнолапа не ответила сразу. Она лишь сильнее прижала Пылинку к себе своим теплым, но таким худым боком. — Мы все будем идти до конца, — наконец сказала она, и в её голосе прозвучало то, что было страшнее любого предсказания Водохлёба: железная готовность стоять до последнего. Племя двигалось дальше, но теперь каждый шаг давался еще тяжелее.

Слова Водохлёба посеяли в сердцах воинов зерно сомнения: а стоит ли вообще просить помощи у тех, кто может оказаться хуже, чем сама смерть от жажды? Этот ручей, который когда-то был границей и символом защиты, теперь выглядел как шрам на теле земли. Пересохшее русло, заполненное лишь острыми камнями и слоем потрескавшейся грязи, красноречиво говорило о том, что даже здесь, у самого порога Стального Хребта, жизнь отступает. Племя замерло у края пролива. После многих дней пути, проведенных в бесконечном переступании через камни, вид этого русла вызвал у многих котов не облегчение, а новый приступ отчаяния. Водохлёб, тяжело дыша, подошел к самому краю и опустил морду в сухую ложбину. Он поскреб дно когтями, поднимая облачко пыли. — И это всё? — прохрипел он, и в его голосе было столько разочарования, что оно перекрыло даже шум ветра в ушах. — Мы прошли через всю эту пустошь, чтобы найти здесь... сухую канаву? Старейшины говорили, что Хребет не жалеет воды, но посмотрите! Даже их граница мертва. Мы пришли к призракам. Рядом с ним, опустив хвост, стоял другой старейшина, чей взгляд был прикован к далеким, почти черным очертаниям гор. Они высились над горизонтом как безмолвные судьи, чьи вершины скрывались в вечной дымке.

— Хороша помощь, — проворчал второй старейшина, нервно переминаясь с лапы на лапу. — Мы угробили остатки сил, чтобы упереться в пересохшую лужу. Ярковзвзд! Ты обещал нам спасение, а привел к порогу пустоты! Если здесь нет воды, то в самих горах её и подавно не осталось. Пылинка подошла к краю русла и посмотрела вниз. Ей показалось, что она видит что-то блестящее в глубине расщелины, но это оказался лишь кусок кварца, сверкнувший под безжизненным лунным светом. Она обернулась к маме. Пепельнолапа смотрела на горы. Её глаза были пустыми и огромными, в них не было ни веры, ни страха — только понимание, что

назад пути уже нет. — Мама, — тихо позвала Пылинка, — а если они тоже всё выпили? Если ручей высох... значит, Стальной Хребет тоже умирает? Пепельнолапа положила лапу на плечо котенка, но не ответила. Она знала, что если Хребет действительно пуст, то всё их путешествие — это просто путь к общей могиле. Ярковзвезд, стоявший впереди всех, сделал шаг прямо в русло ручья. Его лапы хрустнули по сухой земле. Он поднял голову и посмотрел вверх, туда, где в горах должны были быть входы или дозоры. — Мы не уйдем отсюда, пока не узнаем правду, — его голос, усиленный эхом пустой ложбины, прозвучал надтреснуто, но властно. — Если там пусто — мы найдем того, кто был последним, кто видел воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.